

АННА ДАНИЛОВА

DA

СТАНУ РЫЖЕЙ И МЕРТВОЙ, КАК ТЫ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Стану рыжей и мертвой, как ты

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Стану рыжей и мертвой, как ты / А. Данилова — «Эксмо»,
2019 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-103278-4

Следователь Дмитрий Дождев подбирает у своего подъезда девушку, которая называет себя Линой Круль. Лина рассказывает ему странную историю о том, что она приехала на похороны родственницы, но по дороге, в лесу, на нее напали и ограбили. Теперь она хочет, чтобы преступника наказали – в этом ей и должен помочь Дождев. И хотя поначалу Дмитрий, влюбившись в девушку, соглашается, после ее отъезда он начинает понимать, что вся ее история шита белыми нитками, а сама она – совсем не та, за кого себя выдает.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103278-4

© Данилова А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1. Лина Круль	6
2. Дождев	10
3. Лева Гурвич	16
4. Лина Круль	20
5. Дождев	23
6. Лина	26
7. Дождев	29
8. Лина Круль	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова

Стану рыжей и мертвой, как ты

© Данилова А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

...

Какое это счастье, что наши мысли никому не дано услышать или прочувствовать. Иначе как же стыдно было бы жить, зная, что ты – как на ладошке и о тебе всем все известно. Даже то, с каким удовольствием ты, пусть и мысленно, простреливаешь чью-то голову или вонзаешь нож по самую рукоять в сердце... Хотя нет, вряд ли это ощущение можно было бы назвать удовольствием. Нет, это просто наступивший в твоей душе (и такой долгожданный) покой. Вот как это можно назвать. Хотя, возможно, для этого чувства просто не придумали еще слова, настолько все это сложно и неоднозначно. Но все-таки чувство горькой радости – вот оно, и оно реально, переполняет меня, когда я вижу последствия своих действий... Главное – насытить эту жажду, утолить, освободиться наконец... Накормить этого пожирающего тебя изнутри зверя, имя которому – месть.

Когда же я стала убийцей? Помню ли я, когда меня охватило это сильное чувство – желание убить? Да, отлично помню. Мне не забыть его никогда. Помню этот момент буквально во всех подробностях. Солнце, теплая трава, птичий гомон, раздавленная земляника, прилипшая к подошвам, аромат этой мелкой, красной, зернистой переспевшей ягоды, разлитый над поляной...

1. Лина Круль

Вот почему все самые важные, судьбоносные решения мы принимаем в юности, когда действуем, подчиняясь скорее чувствам, чем разуму? И ведь от этих самых решений зависит ну просто вся жизнь! Причем совершая ошибки, мы первое время не хотим в них признаваться и ищем оправдание своим отчаянным поступкам, и даже подгоняем саму жизнь под них, а в результате расхлебываем сложившееся долгие годы. Но как горячи мы в своих суждениях, как непоколебимы в принятых решениях! Сейчас, оглядываясь назад, я спрашиваю себя, как бы я поступила теперь, когда голова моя холодная и мозг как будто бы стал старше и научился принимать правильные решения? Думаю, что я поступила бы так же, ну или почти так же, разве что поостереглась подпускать к себе очень близко людей, которых я включила в свой опасный план. В то время судьба этих людей волновала меня меньше всего. Они должны были сыграть роль инструментов в моем деле. И я старалась не думать о том, что они – живые существа, со своими чувствами, с сердцем, которое пока еще не утратило способности любить. Но, видит бог, я не желала им зла. Единственное, что мне было от них нужно, – это помощь. И не так уж много усилий с их стороны было потрачено, чтобы я считала себя обязанной им. К тому же я думала тогда, что у каждой услуги есть своя цена, и я готова была заплатить за нее. Может, не сразу, но потом – уж точно. Я знала, что у меня все получится.

...Я вошла в супермаркет, и мне показалось, что все смотрят на меня, будто бы я голая. Хотя на мне были джинсы и мужская рубаша в клетку. Зубы мои стучали, несколько раз я даже прикусила язык. А внутри моего тела и вовсе все клокотало, в животе бурлило, словно туда плеснули дрожжей. Это были разбушевавшиеся нервы. И больше всего я боялась, что в какой-то момент я не выдержу, сорвусь и если не умру прямо здесь, растянувшись на теплых полетному плитках пола, то взорвусь, как бомба.

Ноги сами привели меня в туалет. Выйдя из кабинки, я подошла к раковине и пустила горячую воду, выдавила себе в ладонь мыльную пену и принялась мыть руки. Словно дьявол нацепил мне на глаза очки с кроваво-красными стеклами – глядя на свои руки, я видела красную пену, а руки почему-то не отмывались и продолжали быть жирными и липкими от крови. Вот что такое воспаленный мозг! Откуда, спрашивается, взяться кровавой пеной, если руки я отмыла еще в роднике? Да и одежду, перепачканную кровью, я спрятала в кустах, да еще в таком месте, где ее точно никто и никогда не найдет.

Выйдя из туалета, я остановилась возле стенда с объявлениями и рекламой. Вот, к примеру, маленькая частная гостиница «Голубка». Это кто же придумал такое название для места, которое, скорее всего, представляет собой маленький бордельчик? А как еще можно назвать гостиницу, где комнаты сдаются по часам? Я сфотографировала объявление и быстро, чтобы не привлекать к себе внимания (мания преследования – страшная штука!), отправилась в глубь торгового зала. Я точно знала, что мне нужно. Сначала в металлическую тележку положила краску для волос, кое-что для гигиены, затем связку бананов и бутылку минеральной воды. Выйдя из супермаркета, я отошла в сторону и пересчитала деньги. Их оставалось не так уж и много, вернее, совсем мало. Но я была рада и этому, как и тому, что мне вообще удалось выручить в скупке за маленький перстенок и цепочку несколько тысяч рублей. «Когда-нибудь, – подумала я с каким-то веселым детским злорадством, – я приду в эту скупку и выскажу этому румяному старику все, что я о нем думаю. Или просто разобью витрину его конторки булыжником. Так безжалостно обдирать граждан!»

Я позвонила в «Голубку», забронировала себе комнату на сутки и, поймав такси, отправилась туда.

Город был мне не знаком, я знала в нем всего лишь одну улицу и один дом. Расположенный на волжском берегу, он был зеленый и чистый, в бульварах и цветниках. И если поначалу

он показался мне приветливым и красивым, теперь же я воспринимала его как преддверие ада. Уже очень скоро, успокаивала я себя, я его покину. Но пока что мне предстояло выполнить часть моего плана. Если я сейчас совершу ошибку, испугаюсь и уеду, то не прощу себе этого никогда.

Гостиница «Голубка» располагалась почти в центре города, на тихой зеленой улице, засаженной старинными липами и тополями. Липы цвели и источали сладкий дурманящий аромат. Еще вчера, вспоминала я, заливаясь слезами, мы восхищались этим ароматом, радовались чудесной погоде, июньскому щедрому солнцу, сейчас же я, чуть живая от потрясений, входила в гостиничный номер, как сомнамбула – почти без чувств, лишь с пунктиром обязательств и действий в голове.

Я заперлась в номере и первое, что сделала, это достала из пакета краску для волос. Что-то подсказывало мне, что, несмотря на весь хаос в душе и голове, чисто внешне я должна была выглядеть так, словно у меня все в полном порядке. И если мои глаза горят безумием и зубы стучат от страха, я не должна подавать виду, что все так плохо.

Мои светлые волосы должны стать каштановыми, рыжеватыми. Быть может, изменив слегка свою внешность, я изменю и свою судьбу. Я уцепилась за эту придуманную кем-то формулу как за спасительную соломинку. Во что только не поверишь, лишь бы добиться своей цели и главное – поверить в то, что ты все делаешь правильно.

В номере сильно запахло аммиаком, кожа на голове под краской зудела и чесалась. Особенно саднило в одном месте, на макушке. Слезы текли по моим щекам. Я сидела на диване перед включенным телевизором, ничего, однако, не воспринимая. Рядом лежал телефон, он заряжался. Еще несколько минут, и я погружусь в страну под названием Интернет, в которой буквально до сегодняшнего дня я жила, как турист, жадный до развлечений. Сейчас же он должен подсказать мне, к кому в этом городе я могу обратиться за помощью. Это должен быть мужчина, следователь или опер, непременно молодой и неженатый. Мне предстояло надавить на его чувства и заставить хотя бы немного поработать.

Смыв ядовитую краску с волос и подсушив их феном, который нашла в шкафу, я посмотрела на себя в зеркало. Вот так. Пышное золотисто-каштановое каре, узкое бледное осунувшееся лицо с огромными темными глазами. Мне двадцать три года, меня зовут Лина Круль. И я должна найти в себе силы жить дальше. Не раствориться в обрушившемся на меня кошмаре, не потеряться, не свихнуться, а собраться и восстановить в этом мире хотя бы немного справедливости. Мне хотелось равновесия. Еще тогда я верила, что этот день когда-нибудь настанет.

В таких делах важен план. И я, погрузившись в Сеть, принялась изучать представителей правоохранительных органов этого города. Но далеко не всегда в сетевое пространство помещают портреты следователей или оперов. Да, о некоторых писали статьи, у них брали интервью, но вот чтобы в «картинках» появилась галерея всех этих капитанов или майоров, такого не было. И уж точно не могу объяснить, почему мой выбор пал на следователя по фамилии Дождев. Тридцать пять лет, холост, майор. Будучи еще опером, он раскрыл несколько громких убийств по области, был награжден, потом его ранили в бандитской перестрелке на каком-то Графском озере, после чего он долго восстанавливал свое здоровье, а заодно и завершил свое образование, получил диплом Академии права, где последние несколько лет учился заочно.

Читая интервью с ним, я подумала, что этот человек много страдал, а потому способен к сопереживанию, понимает чужую боль. Дмитрий Дождев. «Человек с таким именем и фамилией уж точно не мог быть грубым солдафоном», – решила я и принялась действовать. О том, чтобы прийти к нему официально, на прием, не могло быть и речи. Мне надо было раздобыть его домашний адрес. Но как, если я никого в этом городе не знаю? Спросить у его коллег? Тоже глупо, учитывая, что наша с ним встреча должна выглядеть случайной.

И тогда я вспомнила про интервью с Дождевым, еще раз его внимательно перечитала, после чего отправилась в редакцию местной газеты «Волжский калейдоскоп», где встретилась

с автором этого интервью, журналистом по фамилии Гришин, и, придумав историю о какой-то важной записке, которую я должна передать следователю лично в руки, как-то совсем уж легко узнала его домашний адрес и телефон.

Зная о работе полицейских и следователей только по сериалам и никогда в жизни не сталкиваясь с представителями правоохранительных органов лично, я предполагала, что застану Дождева дома лишь поздно вечером. Но до вечера надо было еще дожить, как-то заполнить день и, главное, мозги. Я не железная, и если бы долго думала и вспоминала о том, что произошло, то, возможно, вообще не дожила бы до вечера. А потому надо было себя срочно чем-то занять. Пообедав в кафе в центре города грибной лапшой и творожной запеканкой, я отправилась в кинотеатр, на детский сеанс мультика про Гурви́нека. Но сказать, что меня это как-то спасло, нельзя. Поэтому я, не дождавшись окончания сеанса, просто слонялась по улицам, пока не дошла до маленького местного пляжа, расположенного практически в центре города. Народу было мало, и хотя было тепло и светило солнце, вода, вероятно, была еще прохладной, поэтому все просто загорали, а детвора играла в волейбол.

Я чувствовала себя совершенно чужой, никому не нужной, а еще мне казалось, что все знают, что я великая лгунья и мошенница, а потому пьются на меня, бледную, одетую, не желающую раздеться, как это принято на пляже.

Время тянулось так медленно, что я ощущала его физически, и даже теплый воздух казался каким-то густым и тягучим. Еще немного, и все люди вокруг меня станут двигаться в замедленном темпе, если и вовсе не замрут в странных позах.

Полежав некоторое время на теплом песке, подложив под голову сумку, я не заметила, как заснула. И этот целительный сон просто спас меня в тот день, позволив набраться сил и скоротать время.

На такси я добралась до нужной мне улицы Бебеля и оставшееся время провела на скамейке перед домом, в котором жил следователь Дождев, обдумывая детали нашей с ним встречи.

Больше всего я боялась сорваться, проговориться, разрыдаться, наконец. И тогда все будет кончено.

Вдобавок ко всем моим тяжелым мыслям у меня сильно разболелась голова. Но сил, чтобы что-то предпринять, найти лекарство, чтобы боль утихла, у меня уже не осталось. День и так показался мне длинным, невозможно длинным.

Мимо меня ходили люди, кто-то выходил из подъезда дома, кто-то входил, я наблюдала за ними, и слезы душили меня. Они жили нормальной жизнью, у каждого были какие-то свои дела, хлопоты, радости. И только я балансировала между реальностью и приближающимся безумием, не зная, как мне жить дальше. Сомнения охватили меня с новой силой, когда на город опустилась ночь. Что я здесь делаю? И где гарантия, что мой план сработает? А что, если Дождев вообще не заметит меня, сидящую на скамейке перед его домом, и просто пройдет мимо? У него и без меня есть о чем подумать, побеспокоиться. К тому же то, что он не женат, не означает, что у него нет девушки или невесты.

И когда рядом со мной, напротив крыльца на парковке остановилась машина и из нее вышел человек, очень похожий на Дождева, я уже находилась в таком состоянии, что мне проще было вообще заночевать на скамейке, отказавшись от своего плана, чем сыграть свою роль и познакомиться с ним.

Он на самом деле прошел мимо меня, устало поднялся по ступенькам до двери подъезда, и я испытала скорее облегчение, чем разочарование. «Вот, собственно, и все», – подумала я. Это судьба. Значит, так оно все и должно было сложиться.

И вот когда я так подумала, мне в лицо хлынул теплый соленый воздух, словно кто-то мимо меня пронес чан с кипящей кровью... Да-да, я вдруг отчетливо почувствовала этот

запах, и даже железистый привкус появился во рту. Потом кусок фиолетового ночного неба в обрамлении черных кудрявых контуров деревьев перевернулся, и я полетела в пропасть...

2. Дождев

Я даже сначала и не понял, что это девушка. Синие джинсы и клетчатая мужская рубашка – вот что я заметил, проходя мимо скамейки. Это мог быть подросток или парень, но не мужчина. Слишком хрупким был этот человек. Еще, двигаясь к крыльцу, я успел подумать о том, что он мне незнаком, потому что я знаю всех жителей нашего дома, да и соседей, и среди них никогда не видел никого в такой необычной длинной клетчатой рубашке. Вот такая странная мысль промелькнула, даже не странная, а какая-то несерьезная. Хотя, скорее всего, это была просто интуиция. Да и при чем здесь вообще клетчатая рубашка? Мало ли кто из наших мог так выглядеть?

Я уже открыл дверь, чтобы войти в подъезд, как услышал звук, словно что-то упало позади меня. Я повернулся и увидел, что на земле рядом со скамейкой лежит девушка. Да, вот тогда, когда свет уличного фонаря осветил ее, я и увидел ее совершенно белое лицо и рыжеватые волосы. Через пару минут я уже вносил ее, находящуюся в беспомощности, к себе домой. Девушка была легкая, и руки ее, и тонкая шея своей гуттаперчевостью делали ее похожей на большую тряпичную куклу. Поддерживая голову, я уложил ее на диван. Потом включил свет. У меня был тяжелый день, я был измотан и, возвращаясь домой, мечтал только об одном – поужинать и лечь спать.

Я взял стул, оседлал его и теперь сидел рядом с диваном, внимательно рассматривая незнакомку. На вид ей было лет двадцать с небольшим. От нее исходил какой-то непонятный, смешанный с духами аммиачный запах. Так обычно пахнет в женских парикмахерских. А еще так пахли волосы моей бывшей жены после окрашивания. И она, зная это, всегда отправляла меня спать в гостиную, стелила мне на диване. «Дождев, не хочу, чтобы ты всю ночь дышал аммиаком».

Прошло не более пяти минут, в течение которых я, глядя на девушку, размышлял, что мне лучше делать, вызывать ли «Скорую помощь» или попытаться самому привести ее в чувство при помощи нашатыря. На шестой минуте она избавила меня от этой проблемы, открыв глаза.

– Вы кто? – спросила она, и выражение ужаса на ее лице сказало мне о многом. Она очень испугалась.

– Не бойтесь. Я следователъ, я не причиню вам зла... Вот, – и я с готовностью достал и показал ей свое удостоверение.

Она застонала, как если бы у нее что-то сильно болело.

– Что с вами? Может, отвезу вас в больницу?

– А я где? Что произошло?

– Да вообще-то это я хотел вас спросить, что с вами случилось. Я нашел вас на улице, вы упали, потеряли сознание. Меня зовут Дмитрий. А вас?

«Какое счастье», – подумал я, что не успел забраться в ее сумку, чтобы попытаться найти документы и установить ее личность. Какими глазами я бы на нее посмотрел, если бы она застала меня за таким постыдным занятием.

– На улице? Вы говорите, что нашли меня на улице? Здесь, у нас на Масловке?

– Да нет, на Бебеля. У нас в городе и нет такой улицы – Масловка.

Она посмотрела на меня как на идиота.

– Скажите еще, что я и Кремль придумала.

Теперь она глядела на меня с опаской, я же наверняка с жалостью. Я с тоской подумал о том, что вижу перед собой классическую жертву амнезии. А это уже проблема, причем меди-

цинская. Мысленно я уже отправил ее в больницу, познакомил со знакомым психиатром. Вот только этой проблемы мне еще и не хватало!

– Как вас зовут?

Она растерялась. Забыла, как ее зовут. Бедолага.

– Вы ничего не помните?

– Почему это... Помню. Говорю же, я живу на Масловке. Может, это у вас что-то с памятью?

– Вы сказали про Кремль. Вы имеете в виду Московский Кремль?

– Смеетесь? А какой же еще?

– Ну, у нас в России есть не только Московский Кремль...

Не знаю почему, но я почувствовал себя идиотом. Вернее, это она повела себя так, словно желала поставить меня в неловкое положение.

– Вы понимаете, осознаете, в каком городе находитесь?

Она снова посмотрела на меня так, словно заранее знала, что я морочу ей голову.

– А вы не знаете, в каком городе находитесь? – Это уже она меня спросила.

– Город Маркс. Саратовская область.

И тут моя гостья вдруг, закрыв лицо руками, принялась мотать головой и мычать. «Ну, точно – клиника», – подумал я.

– Может, все-таки «Скорую» вызвать? – всерьез забеспокоился я.

– Ирма... Ее звали Ирма... – она отняла ладони от лица, и я увидел, что глаза ее полны слез. – Она умерла. Ирма Круль. Господи, кажется, я вспоминаю... Вот черт!

– Кто такая Ирма Круль?

– Да моя тетя... Я приехала сюда, опоздала... на ее похороны...

– И что же с вами случилось?

– Машина... Она там, в лесу, вернее, на поляне...

– Чья машина?

– Да моя, чья же еще! Там был человек, такой огромный, с красной противной рожей...

Он ударил меня, вот, смотрите...

И она, опустив голову, продемонстрировала мне розовую припухлость на макушке с серьезной раной, таким небольшим, но, как мне показалось, глубоким порезом с запекшейся кровью.

– Быть может, вы постараетесь объяснить мне все по порядку? Хотите чаю?

Она энергично закивала.

– Хорошо, я сейчас.

Чай был только в пакетиках. Я вскипятил воду и приготовил чай, в холодильнике нашелся кусок сыра. Хлеба не было. Впрочем, как всегда. Пельмени я научился есть без хлеба.

– Так как вас зовут? – Я накрыл на стол и пригласил девушку пить чай.

– Меня зовут Лина. Я приехала из Москвы.

Я присвистнул. Далековато будет. Больше тысячи километров.

– У меня тетя здесь заболела, она позвонила мне, сказала, что ей совсем худо, что... Словом, у нее онкология... Но я не знала, что все настолько серьезно. У меня были дела, мне надо было отпроситься с работы, найти себе замену, потом еще какие-то проблемы... Короче, когда я приехала, оказалось, что ее уже похоронили. Три дня тому назад. Я была на кладбище. Словом, поездка вышла печальная. А потом... Я сутки побыла в ее доме, встретилась с нотариусом... Надо сказать, что она завещала мне, как своей единственной родственнице, и дом, и все, что у нее было... В общем, мне стало так тяжело, что я решила, что пора уже возвращаться в Москву. Не могла уже находиться в этих стенах, комнатах... Мне казалось, что тетя жива, что она где-то на кухне печет кребли... Да что там, я даже запах горячего масла почувствовала! Мозги прямо плавились от всего этого ужаса... Словом, я решила вернуться. Выехала

из Маркса и поехала в сторону Саратова, и в какой-то момент вдруг разрыдалась, руки мои затряслись... Я поняла, что мне надо прийти в себя. Знаете... – она посмотрела на меня, как человек, который раздумывает, признаться мне в чем-то или нет. – Понимаете, все вокруг меня происходило словно во сне. Настолько нереальной представилась мне вся моя поездка. Думаю, сказала усталость, ведь я очень долго провела за рулем, потом весь этот ужас, кладбище... Я подумала, что мне просто нужно отдохнуть, расслабиться. И я свернула с трассы, покатила в сторону леса. Погода была отличная, солнечная, я оставила машину возле леса, а сама, расстелив одеяло, решила просто поспать. Вокруг не было ни души. Тепло, тихо... И я уснула. Потом проснулась, открыла глаза и вдруг увидела, что вокруг меня вся поляна просто усыпана земляникой. Спелой земляникой! И я, лежа на одеяле, принялась эту землянику есть... Потом встала, взяла из машины пакет и решила собрать земляники в дорогу.

Она, задумавшись, усмехнулась своим мыслям и воспоминаниям. Слабая улыбка осветила ее бледное лицо.

– Земляника, какая же она была сладкая... Я довольно далеко отошла от машины, шла вдоль кромки леса все дальше и дальше, потом увидела какие-то грибы, но я в них не разбираюсь; сначала собрала, а потом все-таки выбросила – куда они мне, до Москвы я их не довезу. Ну вот. А потом я вернулась к машине и не сразу увидела его... того человека... А когда увидела, то поняла, что он роется в багажнике. Я от страха просто остолбенела. Думаю, мы одновременно увидели друг друга. Думаю, не надо объяснять, как я испугалась. А вот зачем он за мной погнался – не понимаю...

– Он догнал тебя? – Я и сам не осознал, как перешел на «ты». Меньше всего мне хотелось услышать, что девушку изнасиловали.

– Да, догнал, повалил на землю, я от страха или не знаю уж от чего, может, просто поняла, что меня могут убить, с силой ткнула пальцами ему в глаза... У меня вот, видите?

Она протянула вперед руку, и я увидел, что из пяти три ногтя короткие, два – длинные, острые.

– Я сломала ногти... Думаю, повредила ему глаза или глаз... Может, у него в руках что-то было, не знаю, камень или железка... Он больно ударил меня по голове, но я нашла в себе силы подняться и побежать... А он, эта скотина, еще выл, держась за лицо... Не помню, сколько я бежала, но потом, думаю, потеряла сознание. Это счастье, что он меня не догнал...

Я смотрел на нее, готовый задать множество вопросов. Вся ее одежда была чистой. После такого нападения она должна была выглядеть совершенно иначе.

– Все мои деньги, вещи... Думаю, что он вернулся к машине и все забрал. Возвращаться туда я уже не могла, мне было страшно. Я полями, через какие-то пустыри вернулась в город, спросила у прохожих, где можно продать золото, у меня была цепочка и кое-что еще...

– Ты помнишь, где была? Куда отнесла свое золото? – Я произнес это автоматически, как человек, привыкший задавать подобные вопросы.

– Да, помню. Это неподалеку от немецкой церкви, там улочка небольшая ведет к базару. И старик сидит, румяный такой, довольный. Уж не знаю почему, но мне почему-то хотелось его ударить...

И тут я рассмеялся. Она не обманывала меня, и у старика того, его фамилия Хорн, действительно розовые щеки, как у людей, у которых сосуды расположены близко к коже. И много кто хотел бы ему вмазать по физиономии.

Но главное, что случилось в этот вечер, – это мое растущее доверие к девушке по имени Лина. Да, я знал, что все проверю, что просто не смогу все это оставить вот так и забыть. Понимал, чувствовал, что будет какое-то продолжение. Но просто, если после ее рассказа про нападение мне показалось, что она лжет, потому что уж слишком чистой была ее одежда, да и она сама, то после того, как она рассказал мне про Хорна, я успокоился.

– Что было потом?

– Вот сейчас мне начинает казаться, что все это было словно не со мной... или же мной кто-то руководил. Иначе как объяснить, что я на эти деньги сняла номер в гостинице, а перед этим зачем-то купила краску для волос, покрасилась...

– Это инстинкт самосохранения, – поторопился я сделать вывод, с удовлетворением отмечая про себя, что она привела себя в порядок в гостинице. – Чтобы он, этот человек, который на тебя напал, не узнал тебя... Значит, ты сняла номер в гостинице? В какой?

– Такое дурацкое название... «Голубка».

– А здесь, возле моего дома, ты как оказалась?

– Врать не стану... Я из всех местных следователей и оперов выбрала именно вас. К счастью, у меня телефон не разбился, и я с помощью интернета пыталась найти человека, которому я могла бы все это рассказать.

Вот тут я удивился. Она была со мной так искренна, что все мои последние сомнения рассеялись. Ведь она могла бы придумать, что оказалась на этой скамейке перед моим домом случайно, однако нет, она вычислила меня!

– Но почему я?

– Вы неженатый, молодой. Я прочитала интервью с вами.

– Да, понимаю, но почему сразу не обратилась в полицию?

– Я вообще боюсь полицейских, не знаю почему. Думаю, сериалов насмотрелась. Я им не доверяю. Подумала, что обо всем расскажу в спокойной обстановке. Я целый день бродила по городу, устала, выпалась на пляже... Потом пришла сюда...

– А как адрес мой узнала?

– Можно я не скажу? Пожалуйста! Я-то уеду, а этот человек местный, зачем ему проблемы?

– Ну ладно, тоже правильно.

Потом она сказала, что так нервничала, когда ждала меня уже здесь, возле моего подъезда, что в какой-то момент почувствовала дурноту, и все... Потеряла сознание.

– У него нос перебит, – вдруг сказала она. – Нет, это не я его ударила, я-то его по глазам... У него давно нос перебит. Он похож на уголовника. У него на переносице вмятина, а на конце такая бульба... нос картошкой... Он отвратительный. Он явно уголовник. Весь в наколках.

И тут я похолодел. Нет, этого не может быть! Два дня тому назад из следственного изолятора сбежали двое – бандит по кличке Рокот и его правая рука – Миха. Рецидивисты, головорезы, убийцы. Их привозили на следственный эксперимент на Графское озеро, где они перерезали целую семью, отдыхающую на диком пляже. Один из оперов снял с них наручники, чтобы они показали, как действовали, как наносили удары.

– Ты видела только одного бандита? – осторожно спросил я, зная, что во время бегства один из бандитов был ранен. Василий Хомяков, наш опер, успел выстрелить и ранил Мihu. Все произошло очень быстро, бандиты бросились в разные стороны и скрылись в густом ивняке, окружавшем озеро. Они так быстро исчезли, словно их и не было! Вся полиция на ушах, прокурор в панике, к Графскому озеру стянули бойцов Госгвардии...

– Я видела только одного, – сказала Лина, и я заметил, как она содрогнулась. – Но мне хватило.

– Ты могла бы показать это место, где все произошло?

– Конечно.

– А сейчас ты в состоянии поехать со мной и показать?

– Разумеется! Да я для этого и пришла! Я все покажу и готова еще раз рассказать, но только при условии, что официально меня как будто бы и не было.

– В смысле? Почему? Ты же свидетель! Причем важный свидетель!

– Если бы я готова была ко всему этому, то я пришла бы прямо в полицию, – сказала она, стуча зубами. – Но мне нужно обратно, домой. В Москве у меня маленькая дочка. Я оставила

ее с соседкой, но мне надо вернуться. Немедленно! Я же все рассказала. А сейчас могу все показать. Вы же можете представить все дело так, как будто бы вам был анонимный звонок и вы сами нашли мою машину.

– Но если найдут твою машину, то все равно будут тебя искать.

– Хорошо, тогда я на машине и уеду. Вы снимите отпечатки пальцев... – Она явно не знала, о чем просит. Не понимала, насколько все серьезно и что я не могу пойти на должностное преступление и вот так взять и отпустить ее.

– Дождев, что мне делать? Я не готова к тому, чтобы стать официальным свидетелем. И если вы сейчас предадите меня, то я просто буду молчать и не произнесу ни слова. А если понадобится, то скажу, что вы на меня давили. Не знаю, что я сделаю... Но мне нужно вернуться домой. Ну будьте же вы человеком! Помогите мне!

– Тогда чего же ты хочешь? Я не понимаю.

– Я хочу, чтобы этого Рокота или как его там... поймали и посадили в тюрьму. Если это действительно Рокот. Он же наверняка шарил в машине, наследил... Думаю, он взял еду, которую я приготовила себе в дорогу: там была запеченная курица, вареные яйца, хлеб... Если он, как вы говорите, беглый каторжник... ну, бандит, то наверняка был голодный, он мог спокойно и съесть мою курицу, и оставить жирные следы своих пальцев.

Уф... Еще там было то, что я взяла из дома тети Ирмы: шкатулка, в которой был золотой крестик, серебряное колечко и тысяча евро. Вот. Теперь все сказала.

– Ну, с такими деньгами он теперь точно далеко уйдет или спрячется так, что его еще долго не найдут.

Я рассуждал так, словно заранее знал, что Михи нет в живых.

– Да ты совсем замерзла... Может, выпьешь водки? Согреешься, успокоишься.

Конечно, она могла отказаться, да я особо и не надеялся, что она последует моему совету. Но, видимо, ей стало так худо, что она, помедлив немного, кивнула.

Я достал бутылку водки из холодильника, открыл банку маринованных покупных огурцов и поставил сковородку на плиту.

– И поешь немного, я сейчас яичницу приготовлю.

– Нет, я есть не хочу.

– Будем считать, что это закуска. Ты пережила сильнейший стресс. Тебе надо выпить и хорошенько закусить, набраться сил. Думаю, ты уже поняла, что легко отделалась, ты уж извини, что так говорю. Но ты ушла от Рокота, от бандита, который хладнокровно, повторяю, перерезал всю семью – мужа, жену и двух пацанов-подростков. Думаю, тебе повезло, что у него при себе не было ножа.

Наверное, я напрасно все это ей сказал, просто мне хотелось, чтобы она осознала всю степень своей везучести (относительной везучести, конечно!) и выпила. Я не мог и дальше смотреть, как ее колотит.

И это сработало. Лина взяла в руки стакан, который я наполнил на треть, и залпом выпила. Зажмурилась, поперхнулась, закашлялась, слезы покатались по ее щекам.

– На вот огурчик.

Она захрустела им жадно, так хотелось заесть горечь от водки.

– А ты? Ты тоже выпьешь?

– Мы же сейчас поедем. Не могу, я же за рулем.

– Дождев, сейчас ночь. Что ты увидишь там, в лесу? К тому же все твои эксперты спят. Рано утром и решим, как поступить.

– Лина, но я правда не знаю, как сделать так, чтобы тебя не привлекать в качестве свидетеля. Это просто невозможно, понимаешь? С одной стороны, ты хочешь, чтобы я нашел Рокота, но с другой – как я могу возбудить уголовное дело, если ты хочешь еще к тому же забрать свою

машину? Да еще и после того, как с ней поработают наши эксперты? Разве ты не понимаешь, что ее будут искать? И тебя остановят на первом же посту ГИБДД! Это полный абсурд!

– Я не сильна в этих вопросах, ничего в этом не понимаю, но я говорю тебе, что мне надо вернуться в Москву. Меня там ждут.

Я подлил ей еще водки, и она выпила.

– Теперь ты, – приказала она. – Иначе я прямо сейчас уйду. Вот просто поднимусь со своего места и уйду. И ты меня не найдешь. Типа, я тебе приснилась.

Щеки ее разругались, исчезла болезненная бледность, да и голос ее приобрел такую приятную твердость. Она прямо на моих глазах словно приходила в себя, становилась самой собой.

– Какая у тебя родинка над верхней губой... Надо же... – она провела пальцем по моим губам, улыбнулась. – Просто создана для поцелуев.

– Хорошо, черт с тобой, – сказал я и достал еще один стакан, налил себе и выпил. – Утром так утром.

Яичница была готова, я разложил ее по тарелкам и был почему-то рад, когда Лина набросилась на еду. Утром я напою ее кофе, мы с ней поговорим, и она, я был уверен, согласится написать заявление.

В какой-то момент я понял, что она засыпает. Я решил, что уложу ее на своей кровати в спальне, а сам лягу в кухне на диване. Гостиной у меня вообще не было. Спальня, кухня и ванная комната – что еще нужно холостяку, которого к тому же еще и никогда не бывает дома?!

– Пойдем-пойдем, Линочка, вот так... – Я, поддерживая ее, довел до кровати. – Ну, ты уж сама разденься...

Но она кулем свалилась на чистые простыни. Я стоял в нерешительности. По-хорошему, ей бы раздеться, принять душ, а уж потом лечь...

И вдруг она, лежа на спине и не открывая глаз, словно машинально, неосознанно, принялась расстегивать на себе рубашку, распахнула ее, и я зажмурился. Но уходить не собирался. Не мог оторвать взгляда от ее освещенной розовой ночной лампой нежной кожи, прелестных округлостей. Стоял и смотрел, замороженный, загипнотизированный. Стянуть с себя рубашку она словно и не собиралась, или просто не было сил. Зато начала расстегивать джинсы. Джекнул молнией, засунула большие пальцы за тугий пояс, и джинсы медленно поползли вниз. Я не выдержал, схватил их за концы штанин и стянул. Тонкая полоска голубых трусиков, впалый живот, длинные тонкие ноги с розовыми ступнями.

– Дождев, – так же, не открывая глаз, прошептала она. – Ну, чего ты стоишь? Иди ко мне.

3. Лева Гурвич

Вот так спросить ее прямо, мол, ты едешь к своему любовнику, я, конечно, не мог. Все-таки она моя мама. Она-то называла его экстрасенсом, который помогает ей вылечиться от мигрени. Она никогда не говорила, что у нее просто болит голова, она называла свой недуг мигренью.

Познакомилась она с этим Виктором в прошлом году, когда ездила к подруге в Крым. Вернулась помолодевшая, загоровшая и счастливая. Давно я не видел такой мою маму. И хотя загар ее со временем сошел, улыбка еще несколько месяцев продолжала освещать ее лицо так, как если бы она втайне чему-то тихо радовалась. Конечно, я знал, что она переписывается с кем-то, что ей кто-то присылает сообщения, а она отвечает. Все эти милые сигналы, оповещавшие о том, что о ней не забывают, думают, были для нее просто музыкой. «Что ж, она еще молода, – думал я, – ей нет еще и пятидесяти, и выглядит она хорошо». Стройная, милая, женственная, такие женщины нравятся мужчинам. Но все-таки я ее ревновал к этому Виктору, чувствовал, что между ними не просто прошлым летом вспыхнул курортный роман, что там что-то посерьезнее, а потому почти уже был готов к переменам в нашей семье.

Я предполагал, как могут развиваться события. Если он проживает в Крыму, а она здесь, в Москве, то они будут искать такой вариант совместного проживания, чтобы им обоим было удобно и комфортно. Но, зная свою маму, я все же был склонен предположить, что она вряд ли осмелится привести своего любовника (или жениха) к нам домой. Квартира у нас двухкомнатная, маленькая, свою комнату я бы им никогда не отдал, и не потому, что эгоист и не люблю свою маму, а просто потому, что моя комната уже давно превратилась в мастерскую, где я писал свои картины, чем, собственно, и зарабатывал себе на жизнь. Предположить же, что «молодые» поселятся в проходной гостиной, было просто нелепо. Возможно, конечно, что этот Виктор способен купить или, на худой конец, снять жилье в Москве, чтобы не так уж резко лишать мою маму всего того окружения, в котором она проживала, в особенности общения со мной и своими подругами. Но что-то подсказывало мне, что парочка выберет Крым и теплый, мягкий морской климат. Но это в том случае, если им там обоим будет где жить.

Поэтому я не удивился, когда одним дождливым июньским утром получил сообщение от мамы, находящейся в Крыму, в котором было всего два слова: «Наш дом». К сообщению прилагался снимок огромного красивого дома, напоминающего скорее отель, в окружении платанов, пальм и кипарисов. Зеленые лужайки, голубой бассейн, белые столики с кружевными стульчиками под белыми полотняными зонтами.

Я ответил ей тоже коротко: «Я рад». После чего тотчас последовал ее звонок, и она, щебечущая, как птичка, принялась рассказывать о том, что Виктор сделал ей предложение и что она теперь, после моего одобрения, готова ответить ему согласием. Она говорила быстро, вероятно, уловив момент, когда Виктора не было рядом, и буквально за минуту сообщила, что у них гостиница, маленький ресторан, но что ей не придется там работать, там есть персонал, и что она будет просто наслаждаться жизнью. И уж не знаю почему, но мне захотелось плакать. Я испытал примерно такое же саднящее и острое чувство одиночества, как в детстве, когда мама оставляла меня в детском саду. Я понимал, что у нее своя жизнь и что она имеет право на любовь и все такое, но все равно, я посчитал себя брошенным.

Предала ли она меня? В какой-то степени да. Она же бросила меня. Исчезнут теперь из моей жизни наши с ней завтраки, обеды и ужины, наши разговоры, ее восхищение моими работами, ее улыбка, наконец. Теперь она без остатка будет принадлежать крупному лысому господину по имени Виктор. И кто знает, как он со временем станет к ней относиться. Не разлюбит ли ее. Не станет ли она раздражать его своей праздношью, предложенной им в порыве

любовных чувств. Не заставит ли он ее потом разносить подносы с едой, пылесосить в номерах или стричь газоны?

После разговора с мамой, во время которого я уверил ее в том, что искренне рад за нее, и попросил, чтобы она не переживала за меня, все-таки я уже взрослый тридцатилетний мальчик, и мне как бы пора заняться устройством своей личной жизни, я стоял посреди нашей кухни и чувствовал, как по щекам моим льются слезы. Слезы брошенного мальчика. Слезы слабака. Мне было стыдно перед самим собой! Но что, если я такой, какой есть?! Я панически боюсь девушек, потому что считаю себя некрасивым и полным. Хотя мама говорит, что у меня всего-то пять килограммов лишних, что я хорошо сложен, что у меня красивое лицо с благородными чертами и густые волнистые волосы. Что я просто не могу быть некрасивым, потому что являюсь точной копией своего отца, Александра Борисовича Гурвича – настоящего красавца. Гурвич и мама не были женаты, это был роман длиной в полгода, который закончился для моей мамы настоящей драмой – Гурвич изменил ей с какой-то молоденькой балериной.

Мама не любила его вспоминать, ей было больно, и я понимал ее. Мама, красивая и нежная, взвалила на свои хрупкие плечи всю заботу обо мне, единственном своем сыне, и любое напоминание о человеке, который предал ее, вызывало в ней боль.

Быть может, она и вовсе не вспоминала бы о нем, если бы он сам время от времени не напоминал о себе звонками, сообщениями или переводами. Он прекрасно знал, что я его сын, и много раз пытался подружиться со мной. Он был известным в Москве человеком, весьма состоятельным, и сколько раз предлагал мне встретиться, поговорить – словом, пытался наладить отношения. Но боясь расстроить маму, считая, что встречи с отцом будут восприняты ею как предательство, я всякий раз отказывался от этой затеи. Хотя в душе мне так хотелось, чтобы у меня все-таки был отец. Возможно, будь я другим, более сильным и мужественным, словом, настоящим мужиком, я бы и не заметил отсутствия отца в своей жизни. Но я был, повторяю, таким, каков я есть, слабым и ранимым маменькиным сыночком и всю сознательную жизнь чувствовать себя незащищенным.

У нас с мамой хватало проблем. Во-первых, я рос болезненным ребенком, и маме, финансисту, приходилось постоянно увольняться с хороших мест, чтобы иметь возможность почаще бывать дома. Поэтому она мыла полы в трех местах, даже ночами. Хотя внешне ее никто и никогда не мог бы принять за уборщицу. Что бы она ни делала, за какую бы грязную работу ни бралась, она всегда пользовалась резиновыми (а потом и латексными) перчатками. В ее туалетном столике всегда было несколько тюбиков или баночек с кремом для рук. И на ночь она часто просила меня натянуть ей на густо смазанные кремом руки целлофановые пакетики, поверх которых мы надевали ей уже варежки.

Питались мы с ней всегда просто и дешево. Каши, молоко, овощи и фрукты. Мы редко позволяли себе даже курицу. Зато мама никогда не отказывала мне в покупке кистей и красок. Познакомилась с одним скучающим пенсионером, которому подсказала идею скромного бизнеса: Анатолий Петрович научился натягивать холст на подрамник и грунтовать его; мы же с мамой в благодарность за его копеечные (только для нас) холсты поставляли для него клиентов из моего окружения. Это были молодые художники, с которыми я учился в художественном училище. Потом он, проникнувшись возможностями интернета, открыл свой интернет-магазин для художников, где продавал теперь, помимо дешевых кустарных, произведенных им лично товаров, и самую дорогую акварельную бумагу, краски и пастель.

Мама с самого начала приучала меня к мысли, что заниматься живописью я должен с прицелом на продажу. Что это незазорно, напротив даже, профессионально. Вот почему я начал продавать свои работы с ранней юности. Сначала знакомым и друзьям за сущие копейки, потом цены чуть подросли, и я научился предлагать свои акварели туристам, облюбовав себе место на автобусной площадке неподалеку от Новодевичьего монастыря. Познакомился там с женщинами, торгующими сувенирами, стал отдавать им часть на реализацию. Поначалу это были

совсем маленькие, но прилично оформленные акварельки с видом монастыря или московских достопримечательностей. Затем перешел на картины маслом, поскольку они стоили гораздо дороже. Потом стал развешивать свои работы в холлах спортивных клубов, салонах красоты (здесь уже мне помогала мама со своими связями).

Когда я подросток и со здоровьем у меня все как-то наладилось, и у мамы отпала необходимость мыть ночами полы в офисах, она устроилась бухгалтером в одну маленькую фирму, торгующую шоколадом, и поскольку могла заниматься своими профессиональными обязанностями и дома, то все свободное время проводила в музеях и театрах, куда ходила с подругами. Она умела заводить полезные знакомства, и одним из таких оказалась связь (полагаю, что ее можно даже назвать любовной) с одним немолодым уже художником, выставляющим свои картины в подземном переходе на Крымском Валу. По мере развития их отношений мои работы появились и в этом «хлебном» месте.

Словом, я начал вполне прилично зарабатывать, и мы с мамой наконец вздохнули свободно – бедность была преодолена, пережита.

...Тот день, когда я благословил свою маму на брак с Виктором, я не забуду никогда. Мама и раньше уезжала надолго, они со своей приятельницей тетей Розой научились (или наловчились) покупать горящие туры за границу, и теперь мама путешествовала по миру. Но эта последняя ее поездка в Крым была особенной, я вдруг особенно остро почувствовал свое одиночество. Я вдруг понял, что лишился не только ее присутствия рядом, но и возможности подолгу разговаривать по скайпу. Ведь теперь она, повторюсь, практически полностью зажила своей жизнью и принадлежала своему мужу. А это означало, что я должен был как бы оставить ее в покое. Не досаждать ей своими частыми звонками. И довольствоваться иницированными ею сеансами.

Думаю, именно в тот вечер, когда я это осознал и принял, моя рука сама потянулась к телефону, и я набрал номер своего отца.

Я знал, что с этой стороны уж точно не будет никакого предательства или негатива, что отец будет рад впустить меня в свою жизнь, тем более что я являюсь его единственным ребенком, наследником. Отец был женат на одной известной актрисе, и я не так уж и редко ревностно разглядывал их семейные фотографии на страницах глянцевого журнала. Его жена была яркой блондинкой, женщиной редкой красоты, и мне иногда казалось, что он выбрал ее и женился на ней исключительно как ценитель всего красивого и дорогого – мой отец был известным коллекционером драгоценностей и часов. Полагаю, что те скандалы, связанные с похищенными драгоценностями или кладами, что клубились иногда вокруг его имени, имели под собой вполне реальные факты. Однако у него были влиятельные покровители где-то на самом верху, а потому ему всегда удавалось выйти сухим из воды.

Сказать, что я гордился отцом, – как говорится, не сказать ничего. Да, я был горд, что являюсь сыном такого выдающегося и богатого человека. И где-то в глубине души злился на маму, которая, не сумев простить ему предательства, напрочь вычеркнула его из своей жизни, лишив меня возможности общения с ним. Да наша жизнь могла бы сложиться совершенно по-другому, если бы она позволила отцу помочь нам. Мы бы могли жить в центре Москвы, где-нибудь на Тверской, и маме не пришлось бы так тяжело работать, чтобы прокормить меня. Вот и получается, что, с одной стороны, я уважал маму и даже гордился ею, с другой – считал, что она совершила грандиозную ошибку, лишив меня возможности общаться с таким отцом.

Вот почему в тот памятный вечер я сделал то, что сделал – позвонил отцу. Я понимал, что он живет своей жизнью, что может быть занят или вообще в отъезде, у него может быть дурное настроение, да что там, он просто мог быть не готов к разговору со мной. И если бы с его стороны, к примеру, я услышал бы что-то такое, из чего бы понял, что он не желает со мной разговаривать, то и я тоже, скорее всего, вычеркнул бы его из своей жизни. Махом. И вспоминал бы этот звонок со стыдом или даже слезами досады.

Однако мой отец, услышав мой голос, даже заикаться стал от радости. Я только и слышал в трубку «Левушка... Левушка...». Он пригласил меня пообедать в армянский ресторан «У Бурчо», что на Садовнической набережной. Сказал, что пришлет за мной машину. Я даже отказаться не успел, да вообще ничего не успел. Он разговаривал со мной таким тоном и так быстро, словно боялся, что я в любую секунду могу отказаться, передумать.

– Хорошо, пап, – сказал я, чувствуя, как щеки мои начинают пылать от непривычного звучания этих слов в нашем с мамой доме. Да что там, я весь взмок! – А твоя жена?

– Не беспокойся. Она на гастролях до осени.

Приняв душ, я надел все белое и легкое – льняные штаны и батистовую рубашку, туфли из мягкой кожи, причесался сначала аккуратно, а потом просто взбил пальцами свою густую мокрую гриву. И вот стоял я, розовый после душа, чистый и большой мальчик, спрашивая себя, правильно ли я поступил, позвонив отцу. Когда, когда я уже перестану быть мальчиком и бояться кого бы то ни было? Гнева мамы, к примеру? Почему меня немного потрясывает, когда я представляю себе ее реакцию на то, что я встретился с отцом?

– Левушка, выходи, он уже у подъезда, – я услышал заботливый голос отца в трубке, которая замурлыкала примерно через сорок минут после нашего первого разговора.

– Все, выхожу.

Я спустился и увидел рядом с подъездом огромную черную машину, сверкающую на солнце. Новая, роскошная. В марках машин вообще не разбираюсь, но сразу понял, что она крутая, шикарная. Водитель за рулем кивнул мне и улыбнулся. Я подумал тогда, что водители зачастую бывают близкими друзьями своих хозяев. Или, наоборот, первыми предателями.

– Добрый день, – произнес я бодро и сел рядом с ним на мягкое сиденье.

– Меня зовут Аркадий, – водителю было примерно лет сорок, он производил впечатление неразговорчивого, но приятного человека. На нем были черные брюки и черная водолазка. И пахло от него хорошо, каким-то горьковатым мужским парфюмом.

– Лев, – ответил я, глядя, как мы медленно проплываем по двору, мимо старых вязов и тополей, как выбираемся из кирпичных трущоб на простор, как я покидаю свое прошлое и, набирая скорость, стремлюсь в будущее.

4. Лина Круль

Я понимала его возмущение и растерянность, понимала, что я нужна ему так же, как и моя машина, но у меня-то был свой план. И первая его часть уже была выполнена. Мужчина, который сейчас пытался вразумить меня, подыскивая правильные и точные слова и который очень волновался, был уже ручным.

Было раннее утро, мы пили кофе на кухне. Нам предстояла поездка в лес. Надо было разыскать мою машину, привлечь экспертов (вернее, одного, но верного и умеющего молчать), обследовать машину, снять отпечатки пальцев, чтобы убедиться, что я едва ли не стала жертвой именно Рокота. Чтобы не было ошибки. Хотя, даже если бы я и ошиблась, разве он не достоин приговора? Казни? Да он нелюдь! Убийца! Урод настоящий! Психически больной человек, который ради денег, водки и прочих удовольствий с легкостью и звериной жестокостью режет живых людей. Как поросят.

– Дождев, ты сделаешь так, как я сейчас тебе скажу, – прервала я его увещевания. Я произнесла это таким тоном, что он сразу замолчал. Словно догадался, какие слова я скажу следом.

– Лина...

– Мне не нужны проблемы. Тебе – тем более.

Я зажмурилась, вспоминая, что еще совсем недавно была в его руках и чувствовала на своих губах его губы. А теперь он был в моих руках.

– Дождев, пожалуйста, не заставляй меня произносить то, что я не хочу...

Ты, парень, допустил слабинку, не выдержал, сорвался, подчинился звериному инстинкту, а потому теперь молчи и слушай, что тебе следует делать. Вот такие слова вертели на моем языке, и он это, я думаю, понял.

– Уверена, что у тебя есть человек, которому ты доверяешь и который поможет тебе в твоём деле. Сначала мы поедем туда вдвоем, ты первый все осмотришь, потом позвонишь своему человеку и попросишь его приехать туда. Я на время спрячусь. После того как он соберет все материалы для исследования, вы с ним уедете. А я сяду в свою машину и поеду домой, в Москву. Я тебе уже говорила, у меня там маленькая дочь, Уля.

– Но так нельзя...

– Ты знаешь номер моего телефона, я тебе его сообщила. Как видишь, я не прячусь. Оставлю тебе и свой адрес в Москве, ты всегда сможешь ко мне приехать, если, конечно, сильно соскучишься. Но что-то подсказывает мне, что этого не случится. Ты живешь своей жизнью, а я – своей. Я же все понимаю: где Маркс, а где Москва.

– Ты, может, и понимаешь, а вот я – нет. Ты уедешь, и что? Как ты узнаешь, поймали мы Рокотова или нет?

– Ты же сам мне и скажешь. Позвонишь по телефону. Но главное – выяснить, точно ли это он убил... вернее... чуть не убил меня. Ты вот говоришь, мол, надо бы мне заявление написать. Зачем, если дело уже открыто? Его ищут по уже открытому делу о групповом убийстве на Графском озере.

– Да, хорошо... Но как я объясню Вадиму, я имею в виду нашего криминалиста, чья это машина и все такое?

– Я пришлю тебе денег, и ты дашь ему. Заплатишь ему за работу. Сейчас, как ты уже знаешь, у меня денег нет. Ну просто совсем. Больше того, я хотела бы у тебя одолжить на бензин.

Вот тут он оживился. Стал уверять меня, что деньги даст, что это не вопрос. И что никаких денег эксперту не надо, что если он попросит, то он сам ему заплатит.

Этот разговор мог бы продолжаться до вечера. Но мне надо было торопиться.

Фраза, готовая сорваться с моего языка, мешала мне дышать. *Если ты все испортишь...* Дальше слова не находились. Потому что это была бы уже угроза. Я бы сделала это, обязательно. Если он способен на то, чтобы причинить мне боль, рассуждала я, тогда что же может остановить меня заявить на него об изнасиловании? Он следил за мной все утро, он знал, что я ношу в себе его семя, что я не принимала душ. И он понимал, что это не потому, что я пренебрегаю гигиеной. Его семя во мне – улика, способная разрушить, по большому счету, всю его жизнь, я уж не говорю о карьере.

Думала ли я тогда о том, что могу забеременеть? Да, думала. Пару минут, не больше. Но по срокам этого не должно было случиться. Хотя я давно уже не следила за своим циклом, ни к чему мне это было. Последний мужчина, которого я подпустила к себе, заглядывал ко мне года три тому назад. Не до того было. Москва – суровый город, надо было как-то зацепиться, закрепиться, просто вжиться в него. Мужчины же всегда выпивали из меня энергию. Вот только с Дождевым все было не так. Напротив, после его объятий я чувствовала себя невероятно бодрой и полной сил. Он был очень нежен, очень хорош. И теперь я сидела перед ним, как последняя тварь, молча шантажируя его и угрожая подлостью.

– Хорошо, я сделаю все так, как ты просишь, – вздохнул он. – Но с условием, что ты действительно не скроешься из виду, что ты будешь на связи...

– Обещаю.

Я знала, что сдержу свое обещание. Мы были нужны друг другу. Во всяком случае, тогда. Да и куда мне прятаться от мента? Ну, пусть от следователя? Он наследил в моем теле, я же наследила в его жизни. Мы были теперь повязаны. Да и вообще, я не боялась его, потому что преступление совершил тот, кого мы называли Рокотом.

Мы поехали в лес, я безошибочно показала ему, куда надо свернуть с основной трассы, и уже очень скоро я увидела свой серебристый «Фольксваген». Оскверненный, разграбленный, в брызгах крови...

Я приблизилась к нему в страшном волнении. Багажник был выпотрошен, бардачок – тоже. Какие-то обрывки бумаг и документов валялись рядом, на примятой траве, и легкий ветерок шевелил их.

– Как я и предполагала, сумки с едой нет, – сказала я с отвращением, представляя себе упыря, поедающего курицу, вгрызающегося своими желтыми зубами в жирную куриную мякоть. Но все равно – моя роль давалась мне с трудом.

– Смотри, а это что за сумка? – И Дождев, тоже взволнованный и бледный, несколько раз обойдя машину, вдруг заметил неподалеку в кустах коричневую кожаную сумку. Мою сумку. А в ней – паспорт. Мой паспорт – на имя Лины Яковлевны Круль.

– Дождев, смотри... – Я присела и показала ему на вымазанную чем-то бурым и липким, блестящим на солнце, траву. – Что это?

– Похоже на кровь...

И он, подгоняемый моей подсказкой, устремился по кровавому следу вдоль лесной, поросшей редкой травой дороге, пока не наткнулся на труп.

Я стояла и смотрела ему вслед. В сущности, можно было уже и заканчивать это представление. Я уже знала имя, вернее, погоняло этой твари, что начала протухать на солнце. Миха.

Еще один пункт моего плана был выполнен. Дождев нашел труп. Вот теперь ему можно было вообще забыть про мою машину. Просто якобы кто-то позвонил, какой-то аноним, и сказал, что рядом с лесом, на земляничной поляне, обнаружили труп уловившего по кличке Миха. Того самого преступника, которого подстрелили при побеге. И что прикончил раненого Мihu его же поделщик – Рокот.

– Лина? – позвал Дождев. – Ты его видела?

Я медленно двинулась к нему. Остановилась рядом с трупом. Посмотрела на него. Уже другими глазами.

– Но если это Миха, тот, которого подстрелил твой товарищ во время побега, то почему же тогда у него из живота торчит нож?

У меня голова закружилась, жуткие картины пронеслись перед моим внутренним взором, а во рту снова появился железистый привкус, как тогда, перед обмороком. Я побоялась, что упаду.

– Дождев... – я прислонилась к нему, и он обнял меня, прижал к себе и легонько поцеловал в щеку.

– Это Рокот, – сказал Дождев. – Его почерк. Он всегда бьет ножом не в грудь, а в живот. Но иногда – по горлу...

Здесь меня словно током ударило, и перед глазами замелькали кровавые картины.

– ... это он убил своего подельника. Миху. Думаю, тот был ранен и не мог дальше идти.

– К тому же тысячу евро ни с кем теперь делить не надо, – сказала я, вспоминая кружевную скатерть в доме тети Ирмы и большой желтый конверт с деньгами, которые теперь кормили и поили этого борова со звериным оскалом. Целая тысяча евро! Сколько же времени Ирма собирала эти деньги, чтобы подарить своей племяннице перед смертью?

– Ну так что? Теперь, когда ты все увидел своими глазами, ты можешь позвонить своему криминалисту или эксперту, не знаю, как у вас это называется, и договориться с ним, чтобы он обследовал мою машину?

– Да, конечно... – Он словно очнулся и теперь стоял напротив меня, морща лоб. Я понимала, что предложенный мною вариант развития событий его не устраивал. Но он обещал, а потому должен был сделать все, как мы договорились.

По правую сторону от меня шумел, источая свежий хвойный дух, лес, по левую простирался луг, поросший одуванчиками и клевером. А над головой по нежно-голубому небу лениво проплывали легкие, похожие на пух облака. И все вокруг было заполнено теплым солнечным светом. Я почувствовала, как внутри меня копятя подступившие к самому горлу рыдания. Ну как, спрашивала я себя, как природа или Бог могли допустить такое осквернение всего живого и прекрасного, как вообще мог родиться этот дьявол, это чудовище?!

Дождев договорился со знакомым криминалистом о встрече и вернулся в город. Понятное дело, что обсуждать его участие в этой несанкционированной экспертизе надо было где-то в нейтральном месте и уж никак не на месте преступления. Если бы я знала, какие отношения связывают их, дружеские ли, или просто они коллеги, то мне было бы проще понять, чем могут закончиться эти переговоры. Но поскольку я не знала вообще ничего об этом человеке, то и размышлять о том, чем закончится разговор и примет ли эксперт предложение Дождева или нет, не было смысла.

Я подождала, пока машина Дождева скроется за поворотом, и бросилась в лес. Я бежала на ослабевших ногах по мягкой сухой пружинистой хвое, и солнце, разрезанное на сияющие лучи мелькающими передо мной розоватыми сосновыми стволами, слепило мне глаза. Многие сосны были помечены мною (заколка для волос, шнурок кеда, куски разорванного яркого желтого пакета), и я довольно быстро нашла это место – упавшую сосну, похожую на сухой скелет горбатого великана, густо присыпанную рыжей мертвой хвоей. Вряд ли какой-нибудь грибник обратит внимание на то, что сосна эта в одном месте прикрыта совсем свежими сосновыми ветками. Я, приблизившись к этому небольшому и растрепанному шалашу, опустилась перед ним на колени, сняла трясущимися руками самую большую ветку сверху и, увидев лицо, припыленное землей и хвоей, разрыдалась. Во всяком случае, именно такую картину я «увидела».

– Я вернусь, – прошептала я, задыхаясь от слез. – Еще до заката.

5. Дождь

– Старик, вот только не спрашивай, зачем мне это нужно. Все равно не смогу рассказать. Прошу тебя, сделай свою работу, постарайся, чтобы никто ни о чем не узнал. А я заплачу тебе. Вот сколько скажешь, столько и заплачу.

Мы сидели с моим коллегой, криминалистом Вадимом Лавровым, в кафе, и я впервые не знал, как себя вообще вести, что говорить, чтобы только добиться желаемого. Конечно, работа следователя предполагает широкий спектр несанкционированных действий, нарушение закона и каких-то правил, и все мы время от времени перешагиваем грани дозволенного, чтобы добраться до истины. Но до встречи с Линой, с этой странной девушкой, я позволял себе все эти нарушения исключительно ради дела, и никогда мои дела не пахли деньгами. Ни я никому не платил, ни тем более мне. Сейчас же я предлагал Лаврову проделать свою работу частным, так сказать, образом и даже готов был заплатить ему за это.

– Да брось ты, Дима! О каких деньгах ты вообще говоришь? Я что, не понимаю, что раз ты меня о чем-то просишь, значит, это для тебя важно. Да я и лишних вопросов задавать не буду. Все сделаю, как надо.

Его задача сводилась к тому, чтобы обследовать машину, найти по возможности все следы, которые могли оставить там все, кто к ней прикасался, в том числе и кровь.

– После того как ты закончишь свою работу, я отвезу тебя обратно в город, и ближе к вечеру, полагаю, тебя вызовут снова, но уже на труп.

Вадим молча посмотрел на меня, словно надеясь услышать какие-то объяснения. Но не услышал.

– Хорошо, поехали уже. Заинтриговал, ничего не скажешь.

В сущности, в нашем городе было относительно спокойно. Но если уж случилось что-то, то как-то уж слишком громко, жестоко, мерзко. То школьницу изнасиловали, да так страшно, что мне потом несколько ночей снились ее стертые о землю пятки... То трое братьев-строителей утонули в Графском озере. То студентку музыкального училища сожгли на ритуальном костре в поле. Теперь вот бандиты резню устроили, да плюс еще и побег!

Занимаясь машиной Лины, я отгонял от себя какую-то теплую и успокаивающую мысль о том, что, несмотря на всю сложность ситуации, я, по сути, так или иначе, не пренебрегая своими профессиональными обязанностями, собирался параллельно расследовать дело, связанное с Рокотовым. Грешно, конечно, говорить, но труп Миши, его поделщика, пришелся в тот день, прямо скажем, кстати. И даже после того, как Лина исчезнет из моего поля зрения, укатив на своем стареньком «Фольксвагене» в Москву, я как бы останусь при деле, то есть при трупе. И мы продолжим поиски Рокотова.

Приближаясь к лесу в компании Лаврова и всматриваясь в горизонт, я поймал себя на том, что беспокоюсь за Лину и что мне важно, чтобы ее там, возле машины, не было, чтобы Вадим не заметил ее. Но, к счастью, мои опасения казались напрасными – Лины не было.

Вадим со своим чемоданчиком расположился на траве и принялся работать. В ветвях деревьев щебетали птицы, лес шумел встревоженными легким ветром деревьями, и наше с Вадимом молчание воспринималось, думаю, обоими как-то неестественно.

– Моя знакомая влипла по уши, – тихо сказал я, глядя на спину Лаврова, нырнувшего в салон машины. – Он бежал за ней, ударил по голове... ей удалось сбежать, и тогда он вернулся и забрал все, что было в машине. Я должен узнать, на самом ли деле это был Рокотов. Вадим...

Пока я говорил, Лавров не шевелился, словно боялся пропустить хотя бы слово. Когда же я замолчал, он выбрался из салона и, поджав губы, понимающе кивнул, явно довольный тем, что я хотя бы частично посвятил его в свою тайну.

– И еще... Мы сейчас уедем, а потом, как я тебе уже сказал, вернемся, но уже официально, на труп.

– А труп уже есть, или он пока еще жив? – Вадим любил мрачно пошутить.

– Он там, чуть подальше, потом покажу...

Где могла все это время прятаться Лина? Только в лесу. Больше нигде. Возможно, она устроилась на каком-нибудь поваленном дереве и теперь сидит, наблюдая за нами. Или же забрела подальше, чтобы случайно не выдать свое присутствие.

Лина. У меня было стойкое ощущение того, что она меня околдовала. Как я мог не сдержаться и наброситься на нее? Я, человек, который до этого момента всегда умел держать себя в узде, презирал и считал слабаками и идиотами всех тех мужчин, на которых я собственноручно заводил дела об изнасиловании. Неужели это дремучее, заложенное в нас самой природой, грубое и неотвратимое желание спариваться настолько сильнее нашего разума? Животный инстинкт накрыл меня с головой (хотя правильнее было бы сказать, накрыл нас с Линой одним одеялом). Возможно, дело было и не в спаривании (какое отвратительное, хотя и верное слово), а в желании согреться в объятиях друг друга. Мы оба захотели тепла. Я, забывший, что такое женская ласка и полностью отдавший себя работе, и Лина, перенесшая сильнейшее потрясение, она же чуть не погибла! Да, может, именно это желание любви и бросило нас друг к другу, но ведь это как посмотреть! Учитывая сложившуюся ситуацию, Лина могла попросту соблазнить меня, чтобы потом заставить меня помогать ей (оставим в черных скобках ее так и не озвученный грязноватый шантаж).

Но я почему-то не злился на нее. Да и не боялся вовсе. Не верил, что она, в случае, если я откажусь помогать ей, заявит на меня за изнасилование. Понятное дело, она подстраховалась, обойдя стороной ванную комнату, где могла бы смыть мое свежее ДНК. Почему бы и нет? Откуда ей знать, как я себя поведу, не сдам ли ее? Что ж, она действовала как бы даже правильно, защищая себя. К тому же ее можно было понять. Вряд ли ее, важную свидетельницу, отпустили бы так быстро. И машину бы отогнали в гараж, да и ее бы допрашивали по полной программе. А у нее маленький ребенок в Москве. У нее своя жизнь.

Словом, наблюдая за работой Лаврова, я, как мог, оправдывал себя, находя все новые и новые доводы в свою же пользу. К тому же она была всего лишь свидетельницей, а не подозреваемой. По сути – жертвой. И единственное, что она хотела, это знать точное имя человека, едва не убившего ее. Что в этом плохого или подозрительного?

Хотя вот для меня лично все и без того было ясно (тем более что труп Миши был рядом), что на Лину напал именно Рокотов. Тем более что она в точности описала внешность нападавшего – все приметы совпадали. И что мешало ей просто взять и уехать, помахать мне ручкой, а не усложнять все этими отпечатками пальцев?

Часа через два, измученный своими раздумьями, я свел все то, чего не мог понять в поведении Лины, просто к ее стрессу и на этом поставил для себя точку.

Завершив все манипуляции и уложив все свои инструменты и пакетики в чемоданчик, Лавров сделал мне знак рукой, мол, все готово, после чего мы с ним сели в машину и поехали в город. Заигравшись в частного эксперта, он даже не потребовал от меня, чтобы я показал ему «какой-то там» труп. Ему точно полагался гонорар.

Оставив Лаврова в лаборатории, я поспешил вернуться в лес. Я должен, должен был попрощаться с Линой, я хотел посмотреть ей в глаза. Я должен был, наконец, проверить, не приснилась ли она мне. К тому же я сгорал от желания прикоснуться к ее губам. Сухим и горячим, при воспоминании о которых мне становилось жарко.

Но, вернувшись в лес, я еще издали увидел, что машины нет. Уехала. Не попрощалась. И вдруг я словно окаменел. Нога резко нажала на педаль тормоза. Пот катился по моему лицу. Деньги. Я же не дал ей денег на дорогу! Где она теперь? Судя по всему, тех денег, что она выручила от продажи своих скромных украшений, было совсем мало.

Я позвонил ей. Хотя понимал, что рискую. А вдруг когда-нибудь, при самом дурацком раскладе, когда каким-то изуверским образом кому-то станет известно о существовании таинственного «Фольксвагена» и меня заподозрят в связи со свидетельницей, этот звонок всплывет, как улика? Ну и пусть.

Длинные гудки. Ну, конечно. Ей сейчас, значит, не до меня. Она мчится в свою прежнюю жизнь с единственной целью – забыть о том кошмаре, что ей пришлось пережить.

Я прибавил газу, свернул на лесную дорогу, чтобы поскорее добраться до места, где должен был оставаться труп Михи. Вот если бы я его не нашел, тогда подумал бы, что просто сошел с ума или что меня как-то уж совсем по-крупному и подлому провели, подставили. Разные дурацкие и совершенно бессмысленные предположения зароились в моей голове.

Но труп был на месте. И мне надо было действовать. Я позвонил дежурному, и уже через полчаса на место преступления прибыла вся наша группа вместе с прячущим от меня глаза Вадимом Лавровым, а через четверть часа подъехала и прокурорская машина – колесо правосудия завертелось. Я был наполовину спасен.

6. Лина

Была глубокая ночь, когда я, уже не чувствуя своего тела и изнывая от боли в спине, при свете почти погасшего фонаря положила на свежий холм под старой сосной несколько больших колких и крепко пахнущих хвойной смолой ветвей. Мне бы очень хотелось украсить могилу букетом полевых цветов или венком из ароматной земляничной поросли (картинка, возникшая в моем воображении, вызвала горькую усмешку), но слишком уж быстро наступила ночь, утопив в своей густой синеве и земляничную поляну, и цветущий луг. А лес вообще пугал меня своей жуткой чернотой и странными звуками. Словно с приходом ночи начали просыпаться какие-то неведомые мне звери и птицы. Возможно, по тропинкам блуждал, мучаясь бессонницей, старый лось или вспархивали какие-то ночные птицы.

Я бросила лопату в кусты, достала бутылку с водой и, сорвав порванные резиновые перчатки и бросив их на землю, принялась отмывать руки от земли. Меня колотило. Впрочем, как и все эти последние сутки.

...После того как Дождев со своим коллегой-экспертом покинули место преступления, я, быстро выйдя из леса, села за руль и покатила по объездной дороге к городу. Я уже примерно понимала, где нахожусь и как мне лучше пробраться к центру, к рынку, где мне необходимо было купить шнурки, лопату, резиновые перчатки, простыни или одеяло и фонарь. Купив все это, я вернулась и спрятала машину за густыми зарослями дикой смородины, росшей неподалеку от хвойного леса, где мне предстояло копать могилу.

Прежде чем выйти из леса, я разыскала в темноте свой тайник, раскопала его, извлекла из-под земли сумку, вернулась с ней в машину и поехала в город. Я не могла не попрощаться с Дождевым, я должна была его поблагодарить. К тому же мне просто необходимо было занять у него денег на дорогу. Конечно, мой ночной визит к нему он мог бы расценить исключительно как желание разжиться деньгами, но у меня просто не было другого выбора. Мне надо было срочно возвращаться в Москву.

Оставив на всякий случай машину в соседнем дворе, я вошла в подъезд Дождева, поднялась к нему и позвонила.

Он распахнул дверь.

– Ты?

Он был удивлен, потрясен, он смотрел на меня, как на привидение.

– Господи, как же я рад! Входи! – И он, схватив меня за руку, буквально втащил в дом. – Я уж и не надеялся увидеть тебя!

– Прости меня, Дима... Я приехала поблагодарить тебя.

И тут он, в ярком свете рассмотрев меня, вероятно, выглядевшую как шахтер после рабочей смены в шахте, на некоторое время просто онемел.

– Да что с тобой случилось на этот раз? Где ты была? Почему в таком виде? И что вообще с тобой происходит?

У меня не было ответов на эти вопросы, да и силы закончились. Делиться с ним всей правдой было рано. И хотя меня мучили сомнения, и я совсем не была уверена, что все сделала правильно, и, возможно, Дождев подсказал бы мне более легкий и безопасный выход из создавшегося положения, я посчитала, что недостаточно его знаю, чтобы открыться ему.

– Мне надо в душ, – взмолилась я. – Пожалуйста, ни о чем не спрашивай.

В ту ночь я была на грани как нервного, так и физического истощения. Я так была вымотана, что, забираясь в душевую кабину, оставила двери ванной комнаты приоткрытой на случай, если вдруг потеряю сознание. Предполагаю, что и Дождев, обрадовавшийся поначалу, что заполучил меня на целую ночь, увидев меня, выходящую после душа и едва стоящую на ногах, все понял и, напоив меня чаем с бутербродами, уложил спать.

Думаю, что тогда я и не осознавала, что те двое суток, что я пробыла в другом измерении, перевернут всю мою жизнь и положат начало страшным душевным переживаниям, хронической бессоннице и паутине бессовестной лжи, в которой я с каждым днем буду увязать все больше и больше, пока этот кокон не сомкнется над моей головой.

Утром он разбудил меня поцелуями. Он был так нежен со мной и так прекрасно молчалив, что я не могла не поблагодарить его за это отсутствие вопросов.

– Ты вся переполнена тайнами, Лина, – сказал он, и я, лежа на его плече, готова была разрыдаться. Знал бы он о том, что на самом деле произошло со мной там, в лесу. Понял бы меня или осудил? Скорее всего, он до конца своих дней испытывал бы ко мне отвращение. Подумал бы, что я ненормальная. Что так, как поступила я, не поступил бы ни один нормальный человек.

– У нас у всех есть свои тайны, – сказала я. – Я же тоже ничего о тебе не знаю. Ты молодой, красивый мужчина, а живешь один. Почему?

– Да как-то не сложилось у меня с женщинами. Думаю, ты хотя бы поверхностно представляешь, какая у меня работа. Она отнимает слишком много времени и сил. Не каждая женщина способна принять это и понять.

– Да, я видела много сериалов о ментах...

– Вот ты бы смогла жить со мной, к примеру?

– Не знаю...

Конечно, вежливо было бы сказать, что могла бы. Ну просто так, хотя бы гипотетически. Но я не сказала этого. Не хотела дать ему хотя бы сколько-нибудь надежды на продолжение нашего романа, не говоря уже о том, чтобы поговорить о создании нашей с ним семьи. Все это тогда казалось мне абсолютной глупостью. Мои мысли были заняты маленькой девочкой Ульрикой, Улей, которая ждала меня дома, в Москве. И я должна была торопиться. Наша няня, должно быть, тоже заждалась. Два дня тому назад я, находясь в состоянии сильнейшего стресса, сама позвонила ей и предупредила ее о том, чтобы она пока не звонила. Сказала, что возникли некоторые проблемы и что я ей потом все объясню. Я старалась говорить с ней спокойным обычным тоном, но не уверена, что у меня это получилось.

Почему я не хотела, чтобы она звонила мне? Да потому что не знала, где окажусь в следующий момент и не заберут ли у меня телефон. Конечно, тем, кто заинтересовался бы содержанием моего телефона и списком абонентов и звонков, было бы и без того нетрудно проверить, кому принадлежит номер, по которому я звонила чаще всего. Но все равно не хотелось, чтобы голос нашей няни Марины зазвучал в этом аду.

Дождь приготовил мне кофе. А я сидела за столом возле окна, смотрела на покачивающиеся ветви тополей, окружавших его дом, и думала о том, как же странно устроен человеческий мозг. Я представила себе, что происходит в моей голове во время стресса. Это все равно что взять банку с цветными леденцами и сильно встряхнуть ее – и все леденцы перемешаются. А некоторые и вовсе выпадут из банки. Вот как мои мысли. Какие-то простые понятия на время исчезли из моего сознания, словно часть мозга кто-то заблокировал.

Иначе как объяснить то, что я, оставшись в чужом городе совсем одна и без денег, вместо того чтобы отправиться в банк и сообщить об утере своей карты, не говоря уже о том, чтобы поскорее заблокировать ее (ведь она похищена!) и снять деньги со своего счета, отправилась продавать свои скромные украшения. Хотя, скорее всего, мною тогда двигал страх. Да, точно, страх.

Можно ли было назвать счастьем, что в моей практически выпотрошенной сумке, которую я тогда нашла в траве, остался мой паспорт, а в машине, в складке солнцезащитного козырька – водительские права? Ну, если и не счастьем, то, во всяком случае, хотя бы каким-то везением. Хотя и это слово как-то нехорошо корябает, досаждает. Разве, находясь в аду, можно вообще употреблять такие слова, как «счастье» или «везение»? Случай разве что.

– Вот, – Дождев положил на стол несколько пятитысячных купюр. – Как обещал.

– Лучше бы ты сообразил спросить меня, нет ли у меня в банке денег, – усмехнулась я. – У меня же крышу вчера напрочь снесло. Почему-то подумалось, что раз карты украли, значит, и деньги...

– Это уже неважно. Возьми деньги, они тебе пригодятся.

– Хорошо. Спасибо. Я обязательно верну. А пока... вот... – я сорвала с шеи черный шнурок (что купила на базаре в обувной лавке) с золотым овальным медальоном, в центре которого было выгравировано «Быстра».

– Ого, как красиво! – Дождев подержал на ладони медальон, разглядывая его. – Это не успела продать?

– Семейная реликвия, – сорвалась с губ моя очередная ложь. – Но для тебя ничего не жалко. Как разбогатею, верну тебе и деньги.

– Я не возьму медальон, – он вложил его снова в мою руку. – Тем более что это реликвия.

– Если не возьмешь медальон, то больше меня не увидишь, – сказала я, нащупывая в кармане джинсов еще один шнурок с точно таким же медальоном, на котором было выгравировано «Леда».

Дождев пожал плечами.

– Ладно, возьму. Но с условием, что мы с тобой непременно встретимся.

– Обязательно, – пообещала я, и это было настоящей правдой. Уж с кем-кем, а с Димой мне просто необходимо было встретиться хотя бы еще один раз. Может, и последний. Жизнь покажет.

Перед тем как проводить меня, он предложил заехать и купить в дорогу запеченную курицу, но я наотрез отказалась. Думаю, что я больше вообще никогда не буду покупать эти ароматные жирные куриные тушки – рожа Рокота будет мне мерещиться еще долго.

Я сказала ему, что по дороге заеду в магазин и куплю что-нибудь.

Мы вышли с ним из дома, и я попросила его не провожать меня до машины.

– А где машина-то?

– Да здесь, неподалеку.

Мы обнялись. Я чувствовала, что его просто распирало от желания обрушить на меня ворох вопросов. И чтобы этого не произошло, я почти бегом бросилась от него прочь. Не оглядываясь.

– Я буду ждать твоего звонка, – услышала я за спиной и завернула за угол. Села в машину, завела мотор и рванула с места.

Все, практически все, что запланировала, я в этом городе сделала.

Ни в какой магазин я, конечно, заезжать не стала. Вырвалась из утреннего, плавающего в теплой зеленой дымке городка на широкое шоссе и, кинув долгий взгляд на темно-зеленое пятно дальнего леса, прошептала, глотая слезы:

– Я еще вернусь. Слышишь?..

7. Дождь

Вот так и становятся преступниками. Случайно. Если бы мне сказали, что я способен на преступление, я бы не поверил. Да мне и в голову бы никогда не пришло кого-то там покрывать, скрывать важную информацию. И уж тем более кого-то подкупать. Но я сделал это. И только после того, как Лина уже уехала, когда она была далеко, я вдруг представил себе, что меня подставили, обманули, надо мной посмеялись.

Представить такое полезно хотя бы для того, чтобы почва не ушла из-под ног. С этой позиции очень правильно анализировать собственные поступки. И если ты выглядишь уж совсем дураком, то и винить во всем нужно только себя.

Я слышал, конечно, что мужчины теряли голову из-за женщины. Но не знал, что это колдовство какое-то. Что на какое-то время мой мозг просто перестал работать. Он уснул, позволив гормонам повеселиться на славу.

Чего или кого я теперь должен был опасаться? Только свидетелей, которые, находясь поблизости от машины, видели не одну, а двух девушек. Возможно, это были грибники или влюбленные, решившие уединиться в лесу. Или просто проезжающие мимо места преступления люди. Хотя место, к счастью, было все-таки глухое, тихое.

Быть может, мне просто забыть про Лину? Хотя бы на время? Заставить себя представить эту криминальную историю без нее? Что просто был звонок, анонимный, в котором неизвестный сообщил мне о том, что на лесной дороге обнаружен мужской труп. Вот и все. Вадим Лавров будет молчать, уж такой он человек – верный и порядочный. Быть может, когда-нибудь я расскажу ему все в подробностях, исключительно для того, чтобы подкрепить нашу дружбу, в знак благодарности за его молчание и преданность. Но не буду ли я выглядеть в этом случае как человек слабый и ненадежный?

Появление Лины в моей жизни было как вспышка. Наша встреча, срежиссированная ею, на самом деле выглядела случайной, почти романтической. Красивая девушка, напуганная, потерявшая на время память и в результате оказавшаяся в постели следователя, – все в лучших традициях классических детективов. Я, честно, просто не знал, как мне ко всему этому отнестись и какая роль мне достанется – героя или преступника?

Однако долго размышлять на эту тему я тоже не мог себе позволить – меня ждала моя работа. И приоритетным направлением в ней, конечно, был поиск сбежавшего Рокотова. Наши оперативники просто с ног сбились, опрашивая всех тех, кто мог знать или видеть бандита. Отслеживался также круг знакомых уже покойного Михи. Появились свидетели, которые видели и Рокота и Миху в придорожном кафе, где те покупали еду, сели в старые «Жигули», которые, как потом выяснилось, они угнали у одного пенсионера, продававшего на базаре лук и редиску, и уехали в неизвестном направлении. Видели их и в городе, в аптеке, где они покупали перевязочный материал и септик. Значит, тогда еще Миха надеялся, что выживет, сам себе делал перевязку. Да вот только пулю некому было извлечь. Хорошо еще, подумали мы тогда, что они не нагрянули ночью в больницу, чтобы под угрозой смерти заставить хирургов прооперировать рану. Вот там жертв могло быть гораздо больше.

Составляя схему передвижения бандитов и хронологию событий, я пришел к выводу, что причиной их появления за городом, в лесу, стала поломка старого «жигуленка», который они бросили неподалеку от того места, где потом Рокот и убил своего раненого приятеля Миху, ставшего для него помехой. Но убил не сразу. Скорее всего, оставшись без машины, они двинулись вдоль дороги, в сторону авторынка, где собирались угнать новое транспортное средство. Но, свернув с проселочной дороги к лесу, увидели «Фольксваген» Лины. Скорее всего, Миха отказался идти или просто не мог, и тогда Рокот его прирезал, а сам, чуть ли не перешагнув через своего подельника, направился напрямик к машине, где надеялся чем-то поживиться,

а заодно и угнать ее. Лины поблизости не было, она собирала землянику на поляне, что прилегала к лесу. И, возвращаясь, вся такая спокойная и земляничная, к машине, вдруг увидела Рокота, копающегося в ее багажнике. Он увидел ее, погнался за ней, даже повалил на землю, она, если верить ее словам, ударила его по глазам, сломав себе ногти... Я так хорошо себе это представлял поначалу, пока в какой-то момент не засомневался. Как это ей удалось все-таки от него сбежать? Он, такой сильный и беспощадный, мог одной, что называется, левой уложить ее, прибить, прихлопнуть, как муху, прямо на месте. Или она всего не рассказала, или ей действительно повезло и он упустил ее? Конечно, ей повезло, потому что других вариантов предположений просто не могло быть. Договориться с Рокотом невозможно, заплатить ему, чтобы он ее отпустил, – вообще полный бред! Предоставить ему, этому зверю, сексуальную услугу взамен на свободу – об этом вообще не могло быть речи. Если бы он захотел ее, то взял бы силой, а потом прирезал. Нет-нет, Рокот был не по этой части. Убийца, но не насильник. Скорее всего, человек с глубоко травмированной психикой. Родившийся от родителей-алкоголиков, от голода и злости превратившийся в маленького зверька, а потом и в настоящего зверя, он, по свидетельствам тех немногих людей, с которыми он либо рядом проживал, либо сидел, больше всего любил поесть и выпить. Других радостей у него как будто бы и не было. Он даже не курил. И женщины представлялись ему либо источником денег, либо еды. И вот это животное сейчас либо где-то отсиживается, либо кого-то грабит и убивает.

«Я хочу, чтобы этого Рокота... поймали и посадили в тюрьму. Если это действительно Рокот». Впечатлительная и эмоциональная Лина, пережившая шок, наверняка жаждала мести, когда планировала встречу со мной. Нафантазировала себе, как она сама, лично ему отомстит. И я-то ей нужен был лишь для того, чтобы точно узнать имя преступника, чтобы по ошибке не наказать невинного человека. Вот для чего понадобились отпечатки пальцев бандита на ее машине. Только это приходило мне в голову, когда я вспоминал подробности нашего разговора, какие-то отдельные слова и фразы. Поведение Лины было необычно даже при всех тех драматических обстоятельствах, которые ей пришлось пережить. Другая бы девушка на ее месте, дождавшись, когда бандит будет уже далеко от машины, вернулась бы и ударила по газам! И первым делом отправилась бы в полицию, где написала бы заявление о нападении. Рассказала бы всю правду, объяснила бы, что осталась совсем без средств, связалась бы с родственниками или знакомыми в Москве, чтобы ей перевели деньги на обратный путь. Или же, что было бы куда более естественным в ее ситуации, отправилась бы в дом своей тетки Ирмы, пошла бы по соседям или связалась с подругами тетки, заняла бы у них денег на дорогу. Да вариантов не так уж и мало, когда человеку нечего скрывать.

После того, как я ее отпустил, многие ее доводы и объяснения показались мне ну просто смешными. Она сказала мне, что спешит домой, к дочке, которую оставила с соседкой. Но разве соседка не человек и не поняла бы, насколько серьезна ситуация, что маму девочки чуть не убили!

«Я не готова к тому, чтобы стать официальным свидетелем. И если вы сейчас предаете меня, то я просто буду молчать и не произнесу ни слова. А если понадобится, то скажу, что вы на меня давили... Не знаю, что я сделаю... Но мне нужно вернуться домой. Ну будьте же вы человеком! Помогите мне!»

Да, конечно, бывают различные жизненные ситуации, и ей действительно надо было поскорее вернуться домой. Но, с другой стороны, она же приезжала на похороны тетки, а это все-таки предполагает не один день. Помимо самих похорон наверняка предполагалась встреча с родственниками, нотариусом или адвокатом, чтобы прояснить ситуацию с наследством. Ну и самое главное – Лина приехала в Маркс на собственном автомобиле, что уже свидетельствует о том, что она не особо-то и спешила! Будь ее время ограничено, она бы ехала на поезде, а уже из Саратова до Маркса добиралась на автобусе или на такси. Но она предприняла путешествие длиной в тысячу с лишним километров, что заняло почти двое суток, ну и к тому же характе-

ризовало ее как человека храброго, решительного и сильного. Не каждая девушка отважится отправиться одна так далеко. Мало ли что может случиться в дороге. Так зачем она поехала на машине? Быть может, планировала увезти кое-что из того, что ей полагалось по наследству? Какие-то вещи покойной родственницы?

Чем дальше от меня удалялась Лина, тем все больше подозрений возникало у меня по поводу всего, что было с ней связано – разговоров, событий. Но главное, я потерял покой и в какой-то момент счел себя настоящим преступником. Что я наделал? Зачем ввязался во всю эту историю? И, главное, как мог дать себя, по сути, соблазнить? Попался, как какой-то голодный мальчишка! Да еще утянул с собой Вадима.

Пока прочесывали весь район в поисках Рокота, я решил не терять времени даром и отправился по адресу, где проживала Ирма Круль.

Она обитала на улице Карла Либкнехта, на тихой, прилегающей к центру, тенистой улице, ее дом стоял в ряду аккуратных добротных частных домов.

Я нашел ее адрес быстро, остановился перед закрытыми воротами с калиткой, за которыми просматривался белый оштукатуренный дом Ирмы, не зная точно, как буду действовать. Обычно в таких случаях обращались за информацией к соседям. Я так и сделал. В доме из красного кирпича, по соседству, проживала немолодая уже женщина лет пятидесяти. Она открыла свою калитку, и я показал ей свое удостоверение. На ней были голубые джинсы и белый свитер. Подкрашенные рыжеватые волосы были забраны в пучок на затылке. Темные глаза смотрели с любопытством и без страха.

– Мне бы поговорить с вами о вашей соседке, Ирме Круль.

Я бы не удивился, если бы вдруг выяснилось, что я вообще ошибся адресом или что женщины с таким именем вообще не существует. Все информационное поле, оставшееся после Лины, казалось мне зыбким и каким-то опасным. Я был готов к любым неожиданностям.

Однако Ирма Круль действительно здесь проживала, но два дня тому назад ее похоронили на немецком кладбище. Соседка, ее звали Любовь Николаевна, пустила меня к себе во двор и предложила сесть за стол под яблоней. Солнце припекало, на яблоневетках среди густой голубоватой бархатистой листвы можно было разглядеть маленькие зеленые зародыши будущих яблок.

– Скажите, Любовь Николаевна, что вы можете рассказать о ее племяннице, Лине Круль?

– О Линочке? Да ничего плохого, конечно! – Соседка заулыбалась. – Она очень хорошая, очень. Судьба у нее трудная, ничего не скажешь, но как-то ей все же удалось устроиться в этой огромной Москве. Зацепиться, что называется. Она и работу себе нашла, и квартиру снимает. И одна, как может, воспитывает маленькую дочку. А почему вы ею заинтересовались? Надеюсь, с ней ничего не случилось?

У меня от сердца отлегло. Значит, действительно Лина проживает в Москве и у нее есть маленькая дочь.

– Какие отношения у нее были с теткой?

– Да замечательные! Лина хоть и бывала здесь редко, сами понимаете, она далеко, но звонила регулярно, поддерживала отношения. И не подумайте, не потому, что она рассчитывала на какое-то там наследство, нет. Лина, она не такая. Просто они с Ирмой были близкими людьми.

– Лина помогала тете?

– Нет, что вы. Наоборот, Ирма помогала ей, переводила время от времени деньги. Ирма была портнихой, и недостатка в клиентках не было, так что она всегда была при деньгах. Женщиной она была одинокой, ей и тратить-то, кроме Линочки и Ульрики, было не на кого. Знаете, она так неожиданно заболела... Ох, такое горе... Лина, к сожалению, опоздала на похороны. Но на кладбище они поехали, купили венок, потом мы с девочками посидели, помянули, я пирогов напекла...

– С какими девочками?

– Ну, с Линой и Танечкой, подружкой ее.

– Понятно... Она родом же из этих мест, да? У нее здесь подруги?

– Да, конечно. Но я имею в виду Танечку, подружку, с которой они приехали.

– Так она приехала сюда не одна, а с подругой?

– Ну да! Они вместе снимают квартиру в Москве, вместе воспитывают Улечку. А что? Почему вас это так интересует? Может, вы мне все-таки объясните? – Любовь Николаевна нахмурилась, напряглась. – С ними все в порядке?

– Да, не беспокойтесь, все в порядке... – Мне стало не по себе. – Скажите, я могу попасть в дом вашей соседки? Мне просто нужно кое-что выяснить. Чтобы официально туда попасть, мне надо все оформить, а на это уйдет время...

– Да без проблем, у меня и ключи есть, Линочка оставила. Но вы мне так и не сказали, что вас интересует? Что случилось? Вы же не просто так сюда пришли.

Конечно, я понимал, что мой визит вызовет вопросы, и поэтому, чтобы не раскрывать истинную причину своего интереса к Лине Круль, решил сделать акцент на какой-то мелочи, которая меня якобы заинтересовала.

Я достал медальон, подаренный мне Линой, и показал соседке.

– Скажите, Любовь Николаевна, вот эта вещь раньше принадлежала Ирме?

Женщина взяла в руки медальон, присмотрелась и покачала головой:

– Нет, никогда не видела у нее этого кулона. У Ирмы вообще было мало драгоценностей, она была женщиной скромной, носила простую бижутерию. Знаю, что у нее был золотой крестик, серебряное колечко. И все это осталось, конечно, Линочке. Я как раз была у них, когда Лина открывала шкатулку и рассматривала все это. Там были еще деньги, тысяча евро. Ирма приготовила деньги ко дню рождения Ульрики. К сожалению, ее болезнь так быстро прогрессировала, что никакие деньги уже не помогли бы. Но этот кулон я точно не видела. Нет, это не имеет к Ирме никакого отношения. Вещь, по-моему, старинная, золотая...

– Быть может, этот кулон, как вы говорите, принадлежал Лилиной подруге, Тане?

– Понятия не имею... – Теперь уже соседка смотрела на меня с подозрением. – А при чем здесь вообще Таня?

– Проводите меня, пожалуйста, в дом Ирмы.

Она пожала плечами и пошла за ключами, вернулась, и мы отправились с ней в дом Ирмы Круль.

Обстановка была довольно современная, хозяйка любила комфорт и порядок. В большой комнате возле окна на столе стояла швейная машинка и новый оверлок. Вдоль стены тянулся длинный стол, где портниха, вероятно, раскраивала ткань. В спальне стояла широкая кровать, покрытая пушистым розовым пледом, и туалетный столик с несколькими баночками с кремом и флаконы с духами. На зеркале висели дешевые бусы разных цветов.

На книжной полке в серванте я нашел альбом с фотографиями и в присутствии молчаливой и настороженной соседки принялся его разглядывать.

– Вы не могли бы мне показать Лину? – спросил я, чувствуя неловкость от нахождения в чужом доме, да еще и без всякого на то разрешения. Конечно, я рисковал. Но в голову не шло ни одно правдоподобное объяснение моего интереса к этой семье.

Любовь Николаевна показала мне на несколько фотографий, где рядом с Ирмой, где-то молодой, а где-то уже зрелой дамой со спокойным приветливым лицом, находилась юная девушка, худенькая, с каштановыми волосами и темными глазами. Но это была не Лина. Вернее, не та девушка, которая выдавала себя за Лину.

Я вспотел, разглядывая альбом. Меня обманули, провели. Ко мне приходила совершенно другая девушка, назвавшаяся Линой Круль.

– А вы не могли бы описать ее подругу, Татьяну?

– Да что описывать-то... – Голос соседки уже дрожал. – Ровесница Линочки, высокая, худенькая, глаза карие, волосы светлые. Красивая. Может, вы мне скажете, что с ними?

– Надеюсь, что с ними все в порядке. Я не имею права пока ничего рассказывать. Меня интересует лишь происхождение вот этого медальона. И еще – у меня есть информация, что он принадлежал вашей соседке, Ирме Круль.

– Да что с ним не так-то, с этим медальоном? Краденый, что ли? Иначе с чего бы это вы им так заинтересовались?

– Надеюсь, что не краденый, – сказал я, стараясь придать своему голосу уверенность. – Хорошо, спасибо вам, Любовь Николаевна. И пожалуйста, не говорите никому о моем визите. Этим вы только навредите Лине.

Уже перед тем, как уйти, я все-таки не выдержал и задал вопрос о наследстве.

– Лина наследует этот дом и сбережения Ирмы. Сколько у нее денег, я понятия не имею, мы с Линой вообще не говорили на эту тему. Она не спрашивала, а мне неудобно было задавать вопросы.

Я записал номер телефона соседки и, распрощавшись с ней, напрямик отправился к Хорну.

8. Лина Круль

Для многих дорога домой зачастую представляется чем-то приятным, доставляющим удовольствие и приносящим покой. Для меня же это было очередным адовым витком. Нервы мои были раскалены добела. Не спасали даже таблетки и успокоительный сироп, которыми я запаслась, заглянув в аптеку на окраине областного города, мимо которого лежал мой путь. От меня за версту теперь несло валерианкой и пустырником. Я чувствовала, что за последние двое суток похудела, мне вообще казалось, что внутри меня образовалось какое-то душное и дрожащее теплое облако. Кроме того, меня тошнило.

Не помню, когда еще я переживала такое потрясение. Жизнь моя никогда не казалась мне приятной и безопасной. Закаленная грубым деревенским бытом в моей Михайловке, я, осиротев, решила обосноваться в Москве, ведь только там, как мне казалось, я могла бы найти применение моим способностям. И я за пару лет в большом мегаполисе достигла не так уж и мало. Во-первых, после многих скитаний и попыток устроиться нашла более-менее нормальную работу. Да, я была кассиром в большом супермаркете, всего лишь кассиром. Но все равно, это была работа, постоянно приносящая мне деньги. Помимо того, я подрабатывала, убираясь в расположенной рядом с домом школе. Мы могли позволить себе снять двухкомнатную скромную квартиру, почти новую, чистую и уютную. Кроме того, мы достаточно крепко стояли на ногах, чтобы воспитывать маленькую Ульрику. Няня Марина, соседка и подруга, стала частью нашей семьи. Мы полностью доверяли друг другу. Но одно дело – доверять в условиях довольно спокойно протекающей жизни, где все ясно и никому не нужно доказывать свою дружбу и преданность, и совсем другое – предложить законопослушной женщине, молодой вдове, едва оправившейся от потери мужа, нарушить закон и зажить совершенно новой, не свойственной ей жизнью. Как отнесется Марина к моему предложению? Поймет ли меня? Не осудит ли? Стоит ли ей рассказывать всю правду или же придумать вариант спасительной лжи?

Долгие часы за рулем тянулись медленно, очень медленно. И я была даже рада этому, потому что для того, чтобы придумать, как нам всем устроить свою жизнь заново, нужно было время, чтобы все хорошенько продумать.

Моя машина летела навстречу теплому июньскому ветру, мимо проносились какие-то селения, леса, поля, сады, и меня не покидало чувство какой-то оторванности от реальности. Все те люди, что жили вокруг меня, должны были быть счастливы тем, что жизнь их проста и предсказуема. Что, несмотря на все их житейские проблемы, им все равно повезло, что они не вляпались в историю, в которой увязла я. Конечно, все понемногу нарушали закон, разные ситуации толкают людей на это. Но то, что собиралась предпринять я, мне трудно было назвать нарушением закона, потому что для меня лично существовали какие-то свои законы. Законы, позволяющие не навредить близким людям. А они будут посильнее тех, что прописаны в юридических учебниках. Поступи я правильно, в соответствии с законом в общепринятом смысле, я обрекла бы на многолетние страдания маленькую девочку, ребенка, которого я любила больше жизни. Вот поэтому я должна была сделать все возможное и невозможное, чтобы она осталась при мне и чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах Уля не узнала правду.

Когда я чувствовала, что устала и что не могу больше находиться за рулем, я делала остановки в придорожных гостиницах и кафе. И хотя аппетита не было, я заставляла себя поесть немного супу и выпить чаю. Пару раз я останавливалась, чтобы просто снять номер и выспаться. Я очень боялась, что мой организм не выдержит и я потеряю сознание прямо за рулем. Вот этого я точно не могла допустить. Поэтому, подчиняясь инстинкту самосохранения, я позволяла себе отдых.

В перерывах между мыслями о предстоящем разговоре с Мариной я, изводя себя изнуряющим желанием убить Рокота, отомстить ему, чувствовала, что теряю силы. Мечь, яд которой уже разъедал мою кровь, с одной стороны, ослабляла меня, с другой – придавала смысл всему тому, что я задумала. Картины, которые я рисовала в своем воображении, где кровь лилась рекой, где раздавались выстрелы и звуки, издаваемые живым существом, в сердце которого вонзается острый нож, были какими-то болезненными, если не клиническими. Я боялась, что сойду с ума до того, как увижу Ульрику. Поэтому я отгоняла от себя мысли и про Рокота тоже. Для начала его надо найти. А чтобы найти, мне нужны были деньги. Конечно, я заручилась поддержкой и дружбой Дождева, которому по штату было положено искать бандита и сажать за решетку. Но что может сделать он, обыкновенный следователь провинциального города, с ограниченными средствами и возможностями, когда Россия – огромная страна, и затеряться в ней не так уж и трудно. Этот зверь, бандит Рокотов, эта бессердечная тварь, будет и дальше резать людей, отбирая у них деньги, чтобы набить себе живот колбасой и залить глотку водкой, и в поисках безопасного места отправится в следующую деревню или город, оставляя после себя жирный кровавый след.

Иногда он представлялся мне огромным драконом с окровавленной пастью и маленькими свинячьими глазками. А иногда – каким-то монстром, лица которого я никак не могла вспомнить.

В мои планы входило найти его. Найти и уничтожить. Но перед этим сделать ему так больно, чтобы он смог прочувствовать боль всех своих жертв, всех тех, кого он замучил до смерти.

Даже если его найдут все те, кто сейчас занимался его официальным поиском, даже если его поместят в камеру, я должна добиться того, чтобы меня впустили в эту камеру, где я расправилась бы с ним так, как задумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.